

ГЕРХАРД ГАУПТМАН

ТКАЧИ

Герхард Гауптман
Ткачи

«Public Domain»

1892

Гауптман Г.

Ткачи / Г. Гауптман — «Public Domain», 1892

«Просторная, оштукатуренная в серый цвет комната в доме Дрейсигера в Петерсвальдене. Помещение, где ткачи сдают готовый товар. Налево – окна без занавесок, на заднем плане стеклянная дверь, такая же дверь направо; в последнюю непрерывно входят и выходят ткачи, ткачихи и дети. Вдоль правой стены, которая, как и другие стены, в большей своей части заставлена подставками для развешивания нанки, тянется скамейка; на ней вновь приходящие ткачи раскладывают свой товар для проверки. Приемщик Пфейфер стоит за большим столом, на котором каждый ткач разворачивает принимаемый товар. Пфейфер рассматривает ткань лупой и меряет ее циркулем. Когда это исследование кончено, ткач кладет нанку на весы и конторский ученик проверяет ее вес. Сняв с весов, ученик кладет товар на полки, служащие складочным местом для принятого товара. После каждой приемки приемщик Пфейфер громко выкликает, сколько денег должен уплатить рабочему кассир Нейман...»

Содержание

Действие первое	5
Действие второе	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Герхарт Гауптман

Ткачи

Драма из сороковых годов в 5-ти действиях

Моему отцу Роберту Гауптману посвящаю я эту драму.

Милый отец, если я посвящаю эту драму тебе, это продиктовано чувствами, которые ты знаешь и о которых здесь нет нужды распространяться.

Твой рассказ о деде, который в юности бедным ткачем, как изображенные здесь, сидел за ткацким станком, послужил зерном моего произведения, и, способно ли оно к жизни или сердцевина у него гнилая, оно является лучшим, что может дать «такой бедняк, как Гамлет».

Твой Герхарт

Действие первое

Лица первого действия

Группа фабрикантов.

Дрейсигер, владелец канатной фабрики.

Пфейфер, приемщик; Нейман, кассир; Ученик – служащие у Дрейсигера.

Группа ткачей.

Бекер.

Старый Баумерт.

Рейман.

Гейбер.

Первый ткач.

Первая ткачиха.

Старый ткач.

Мальчик.

Ткачи и ткачихи.

Просторная, оштукатуренная в серый цвет комната в доме Дрейсигера в Петерсвальдене. Помещение, где ткачи сдают готовый товар. Налево – окна без занавесок, на заднем плане стеклянная дверь, такая же дверь направо; в последнюю непрерывно входят и выходят ткачи, ткачихи и дети. Вдоль правой стены, которая, как и другие стены, в большей своей части заставлена подставками для развешивания нанки, тянется скамейка; на ней вновь приходящие ткачи раскладывают свой товар для проверки. Приемщик Пфейфер стоит за большим столом, на котором каждый ткач разворачивает принимаемый товар. Пфейфер рассматривает ткань лупой и меряет ее циркулем. Когда это исследование кончено, ткач кладет нанку на весы и конторский ученик проверяет ее вес. Сняв с весов, ученик кладет товар на полки, служащие складочным местом для принятого товара. После каждой приемки приемщик Пфейфер громко выкликает, сколько денег должен уплатить рабочему кассир Нейман.

Жаркий день в конце мая. Часы показывают полдень. Большинство толпящихся ткачей имеют вид, словно они стоят перед каким-то судилищем и с мучительной тревогой ожидают, что оно им присудит – жизнь или смерть. В то же время на их лицах лежит отпе-

чаток какой-то подавленности; то же бывает на лице нищего, который живет подачками и, переходя от унижения к унижению, в постоянном сознании, что его только терпят, привык съезживаться до последней возможности. Ко всему этому присоединяется раз навсегда застывшая на лицах черта тяжелого, безвыходного раздумья. Мужчины все более или менее похожи друг на друга; это недоразвившиеся, низкорослые, сухопарные, большей частью узкогрудые, покашливающие, жалкие люди с грязновато-бледным цветом лица – настоящие созданы ткацкого станка; их колени искривлены вследствие постоянного сидячего положения. Их жены с первого взгляда менее типичны; они имеют неряшливый, распущенный, измученный вид, тогда как мужчины все же сохраняют известное, хоть и жалкое, достоинство. Женщины одеты в лохмотья, одежда мужчин заштопана и заплатана. Некоторые молодые девушки не лишены миловидности: это хрупкие созданы с восковым цветом лица и с большими грустными глазами.

Кассир Нейман (считая деньги). Следует получить шестнадцать зильбергрошей.

Первая ткачиха (женщина лет тридцати, очень истощенная, собирает деньги дрожащими руками). Покорно благодарим.

Нейман (видя, что женщина не уходит). Ну, еще что? Опять что-нибудь неладно?

Первая ткачиха (взволнованным, умоляющим голосом). Хоть бы несколько пфеннигов вперед, в счет работы. Уж очень они мне нужны.

Нейман. Мало ли что кому нужно! Мне вот нужно несколько сот талеров. (Начинает отсчитывать деньги другому ткачу, коротко.) Выдать или не выдать вперед – это дело г[осподи]на Дрейсигера.

Первая ткачиха. Так нельзя ли мне самой поговорить с г[осподи]ном Дрейсигером?

Приемщик Пфейфер (бывший ткач. Некоторыми своими чертами он еще напоминает рабочего. Но он хорошо упитан, чисто одет, руки у него выхолены, лицо гладко выбрито. Он часто нюхает табак. Кричит грубым голосом.) Господину Дрейсигеру и без вас делов по горло. Некогда ему заниматься такими пустяками. На то мы здесь. (Меряет циркулем и смотрит в лупу.) Господи! Вот сквозняк-то! (Он завертывает себе шею толстым шарфом.) Эй вы, кто входит, запирайте двери!

Ученик (громко Пфейферу). Для них наши слова – что об стену горох.

Пфейфер. Готово, на весы.

Ткач кладет ткань на весы.

Не мешало бы лучше знать свое дело. В ткани узлов не оберешься, уж я смотрю сквозь пальцы. Разве порядочный ткач так делает?

Бекер (входит. Это молодой, очень сильный ткач; манеры у него развязные, почти дерзкие. Пфейфер, Нейман и ученик при его входе перекидываются многозначительными взглядами). Эх, беда! Пропотел до седьмого пота!

Первый ткач (вполголоса). Ну, быть ненастью!

Старый Баумерт (протискивается через стеклянную дверь. За дверью виднеются озидающие ткачи; они стоят тесной толпой, прижавшись один к другому. Старик, прихрамывая, пробирается вперед и кладет свою ношу на скамью рядом с Бекером. Он садится тут же и утирает пот с лица). Ох, теперь можно и отдохнуть.

Бекер. Да, отдых слаще денег.

Старый Баумерт. Ну, я и от денег бы не отказался. Здорово, Бекер!

Бекер. Здорово, дядя Баумерт! Нам опять придется ждать здесь до второго пришествия.

Первый ткач. Они с нами не церемонятся. Велика птица ткач. Ткач и час подождет, и день подождет.

Пфейфер. Эй, тише вы там! Собственного своего слова не слышать.

Бекер (тихо). Он сегодня, кажется, опять не в духе.

Пфейфер (*стоящему перед ним ткачу*). Сколько раз я говорил: нужно работать чище. Что это за грязь? Тут и солома, и узлы в целый палец длиной, и еще какая-то дрянь.

Ткач Рейман. Чтобы узлы выковыривать, надо бы дать нам новые щипчики.

Ученик (*взвешивает товар*). Есть нехватка и в весе.

Пфейфер. Ну уж и ткачи нынче пошли! Гроша медного не стоят. Да, господи Иисусе, в мое время не то было. Мне бы попало от мастера за такую работу. На такую работу тогда бы и смотреть не стали. В те времена нужно было знать свое ремесло. Теперь этого больше уже не требуется. Рейману десять зильбергрошей!

Ткач Рейман. Ведь фунт полагается на утерю.

Пфейфер. Мне некогда, довольно! А тут что такое?

Ткач Гейбер (*развертывает свой товар. В то время, как Пфейфер рассматривает ткань, Гейбер подходит и тихим, взволнованным голосом говорит ему*). Уж вы извините г[осподи]н Пфейфер, я осмеливаюсь покорнейше просить вас, окажите божескую милость, сделайте мне такое одолжение – не вычитайте с меня на этот раз то, что забрал вперед.

Пфейфер (*меряя и рассматривая в луну, говорит с усмешкой*). Ну вот еще! Этого недо- ставало! Небось, целую половину вперед забрал.

Ткач Гейбер (*продолжая тем же тоном*). Я бы на той неделе с радостью все отработал. Да вот на прошлой неделе мне пришлось два дня отбывать барщину. А тут еще жена лежит больная...

Пфейфер (*кладет работу Гейбера на весы. Рассматривая новый кусок ткани*). И эта работа никуда не годятся. Кромка ни на что не похожа: то узкая, то широкая. Что за безобраз- ие! Здесь уток стянут, там прибавлено много лишнего. На дюйм не приходится и семидесяти ниток. Где же остальные? Разве это добросовестно? Нечего сказать, поработал!

Ткач Гейбер глотает слезы, стоит в приниженной и беспомощной позе.

Бекер (*вполголоса Баумерту*). Уж не прикажете ли и пряжу покупать на свой счет?

Первая ткачиха (*Во все время действия она не отходила от кассы и от времени до времени поглядывала вокруг и словно искала помощи. Собравшись с духом, она снова обраща- ется к кассиру и умоляющим голосом просит его.*) Я же ведь скоро отработаю; уж не знаю, что со мной и будет, коли вы не дадите мне ничего вперед на этот раз. О господи-господи!

Пфейфер (*кричит на нее*). Это еще что за причитание? Оставь ты господа бога в покое. Ведь ты, небось, не больно-то много о нем думаешь! Лучше смотри за своим мужем, чтобы он не таскался по кабакам. Мы не можем дать ничего вперед. Ведь это не наши деньги. Ведь их с нас спросят. Кто работает прилежно, кто знает свое дело, кто живет богобоязненно, – тому не приходится забирать вперед. Вот тебе и весь сказ.

Нейман. Здешнему ткачу хоть вчетверо больше плати, все равно он вчетверо больше пропьет и еще долгов наделает.

Первая ткачиха (*громко, как бы требуя справедливости у всех присутствующих*). Уж говорите что угодно, а только я не лентяйка. Что ж поделаешь, коли моченьки нет. С меня уж два раза вычеты делали. О муже мне и не говорите: он в счет не идет. И то он уж ходил лечиться от запоя к церлаускому пастуху, да никакого толку из этого не вышло. Ничего с этим не поде- лаешь, когда человека к вину тянет... А мы работаем, сколько хватает сил. Мне уж которую неделю и задремать-то некогда... Все пойдет у нас на лад, лишь бы эту слабость проклятую из костей вон выгнать. Поймите же, господин, что и мне не сладко. (*Льстивым, заискивающим тоном.*) Уж я вас покорнейше прошу, будьте такие добрые, прикажите выдать мне и на этот раз несколько грошей вперед.

Пфейфер (*продолжая свое дело*). Фидлеру одиннадцать зильбергрошей.

Первая ткачиха. Всего пару грошиков на хлеб! Пекарь в долг больше не дает. У меня ребят целая куча.

Нейман (*вполголоса напевает, обращаясь к ученику*). А ткачихе каждый год по ребенку бог дает, тра-ля-ля, тра-ля-ля.

Ученик (*кончая напев, к Нейману*). А ребенок вот какой: целых шесть недель слепой. Тра-ля-ля, тра-ля-ля.

Ткач Рейман (*не прикасаясь к деньгам, которые отсчитал кассир*). Позвольте-с, мы до сих пор всегда получали по одиннадцать с половиной за кусок.

Пфейфер (*кричит Рейману*). Если вы недовольны, Рейман, то вам стоит только сказать слово, и вы свободны. Вас насильно никто не держит. Ткачей и без вас много, а таких, как вы, – и подавно. Полная плата полагается только за полный вес.

Ткач Рейман. Неужто здесь не хватало в весе?

Пфейфер. Принесите кусок нанки без недостатков – и плата будет без вычета.

Ткач Рейман. Как? В моей работе много изъянов? Этого быть не может.

Пфейфер (*продолжая рассматривать ткань*). Кто хорошо работает, тому хорошо и живется.

Ткач Гейбер (*Все время он стоял около Пфейфера, выжидая удобной минуты, чтобы заговорить с ним. При последних словах Пфейфера он улыбается и, выступив вперед, обращается к нему тем же тоном, как и первый раз.*) Я бы желал покорнейше попросить вас, господин Пфейфер, будьте великодушны. Явите божескую милость, не вычитайте с меня на этот раз. Моя старуха с самого поста не встает с постели, скрючило ее совсем. Шпудлицу нанимать приходится, ну и...

Пфейфер (*нюхает табак*). С вами одними мне заниматься некогда. Ведь и другие ждут.

Ткач Рейман. Видно, основа была такая. Что получил, то и натянул на станок, то и снял с него. Не могу я ее сделать лучше, чем она есть.

Пфейфер. Если вы не довольны основой, то и не приходите за ней. Вас, ткачей, тут достаточно. И без того много таких, которые, Христа ради, кланчат работы.

Нейман (*Рейману*). Ну, что ж? Берешь деньги?

Ткач Рейман. Я не могу помириться на этих деньгах.

Нейман (*не обращая никакого внимания на Реймана*). Гейберу десять зильбергрошей.

Ткач Гейбер (*подходит, смотрит на деньги, качает головой, как бы не веря своим глазам, потом медленно и обстоятельно прячет деньги*). Ох господи-господи (*вздыхает*), ох-ох-о-о...

Старый Баумерт (*наклоняясь к Гейберу*). Да-да, дядя Франц. Нашему брату только и остается, что вздыхать и охать.

Ткач Гейбер (*говорит через силу*). У меня дома дочурка больная лежит. Скланочку лекарства надо бы принести...

Старый Баумерт. А что у нее болит?

Ткач Гейбер. Да так... она от роду была плохонькая... Я и сам не знаю... Ну, да уж тебе я, так и быть, скажу, она ребеночка родила. Ну, известное дело, какая у нас чистота. Вот с грязи-то она и хворает...

Старый Баумерт. У каждого что-нибудь да есть. Уж, где завелась бедность, там беда приходит за бедой. И удержи им нет, и передышки нет.

Пфейфер (*рассмотрев ткань Бекера, кричит*). Бекер! Тринадцать зильбергрошей.

Бекер. Это что ж за получка? Это жалкая милостыня!

Пфейфер. Кто получил деньги, уходи вон! Один здесь торчит, а другие с места не могут двинуться.

Бекер (*обращаясь к толпе, громким голосом*). Паршивая подачка! Только и всего! Чтобы ее получить, изволь-ка работать с раннего утра до поздней ночи. Сидишь, сидишь 18 дней,

скрючившись за станком, задыхаешься от пыли, купаешься в собственном поту, а в конце концов зарабатываешь тринадцать грошей!

Пфейфер. Чего глотку дерешь?

Бекер. Так что ж что деру? Все равно вы мне ее не заткнете!

Пфейфер (*вскакивает и кричит*). Это мы еще посмотрим! (*Бежит к стеклянной двери и кричит*.) Господин Дрейсигер! Господин Дрейсигер! Будьте так добры!

Дрейсигер (*входит. Это молодой человек лет сорока, упитанный, астматичный. Обращаясь к Пфейферу, строгим голосом*). Что здесь случилось, Пфейфер?

Пфейфер. Бекер скандалит и не хочет уняться.

Дрейсигер (*приосанивается, откидывает назад голову и пристально смотрит на Бекера. Его ноздри вздрагивают*). Ага, Бекер! (*К Пфейферу*.) Это вот этот?

Служащие утвердительно кивают головами.

Бекер (*смело*). Да-да, г[осподи]н Дрейсигер (*указывая на себя*), это вот этот (*указывая на Дрейсигера*), а это вот тот.

Дрейсигер. Это еще что за вольности?

Пфейфер. Видно, ему слишком хорошо живется. Стоит на тонком льду и пляшет. Уж и допляшется он когда-нибудь, нарвется как следует!

Бекер (*выходя из себя*). Ах ты, грошевая тварь! Заткни и ты свою поганую глотку. Видно, твоя мать с домовым зналась и ездила к нему на помеле в новолунье! Потому-то ты и уродился таким чертом!

Дрейсигер (*придя в бешенство, рычит*). Замолчи! Слышишь, сейчас же замолчи, а то смотри, я тебя... (*Он дрожит всем телом и делает несколько шагов вперед*.)

Бекер (*решительно и не отступая*). Я еще не глух. Пока что я еще хорошо слышу.

Дрейсигер (*делает над собой усилие и говорит деловым тоном с кажущимся спокойствием*). Этот человек был тогда с ними.

Пфейфер. Это ткач из Билау. Уж где пахнет бесчинством – этот всегда там.

Дрейсигер (*дрожит*). Раз навсегда говорю: если мимо моего дома еще когда-нибудь пройдет, как вчера вечером, целая орава полупьяных людей, шайка бессовестных скандалистов с этой подлой песней...

Бекер. Вы говорите о всем известной песне?

Дрейсигер. Ты сам знаешь, о чем я говорю. Так я тебе говорю: если это повторится еще раз, я клянусь богом, без всяких шуток, я велю схватить кого-нибудь из вас и предам его в руки властей. А если я узнаю, кто сочинил эту отвратительную песню...

Бекер. Песня эта очень хорошая.

Дрейсигер. Если ты скажешь еще одно слово, я сейчас же пошлю за полицией. Я шуток не люблю. С вами, молодцами, мы отлично справимся. Мне приходилось справляться и не с такими, как вы.

Бекер. Ну что ж, я вам верю. Настоящий фабрикант, как вы, справится с двумя-тремя ткачами в минуту. Не успеешь оглянуться, как справится... Ведь вы на все пойдете...

Дрейсигер (*к своим служащим*). Никакой работы этому человеку никогда больше не давать.

Бекер. Нашли, чем пугать!

Дрейсигер. Вон, сию же минуту вон!

Бекер (*твердо*). Я не уйду, пока не получу плату за работу.

Дрейсигер. Сколько следует получить этому нахалу, Нейман?

Нейман. Двенадцать зильбергрошей и пять пфеннигов.

Дрейсигер (*поспешно выхватывает у кассира деньги и бросает их на прилавок; несколько монет скатываются на пол*). Вот, получай и скорее с глаз моих долой.

Бекер. Я не уйду, пока не получу плату за свою работу.

Дрейсигер. Вот твоя плата, подбирай, и если ты сейчас же не уберешься... Теперь как раз полдень... У моих маляров обеденный отдых...

Бекер. Плата за мою работу должна быть здесь. (*Он дотрагивается пальцами правой руки до ладони левой руки*).

Дрейсигер (*к ученику*). Поднимите, Тильгнер.

Ученик поднимает деньги и кладет их Бекеру в руку.

Бекер. Надо, чтобы все было честь честью. (*Не спеша прячет деньги в старый кошелек*.)

Дрейсигер. Ну, что же дальше? (*Видя, что Бекер все еще не уходит, нетерпеливо*). Уйдешь ли ты сам, или мне придется тебя вытолкать?

В толпе ткачей происходит движение. Слышится чей-то долгий, глубокий вздох. После этого слышно, как что-то упало на пол. Это происшествие отвлекает общее внимание в другую сторону.

Дрейсигер. Что там случилось?

Ткачи и ткачихи. Здесь кто-то упал. – Какой-то маленький худенький мальчишка. – Что он, болен что ли?

Дрейсигер. Как так? Где?

Старый ткач. Да вот лежит.

Толпа расступается. Видно мальчика лет восьми, лежащего на полу без признаков жизни.

Дрейсигер. Чей это мальчик? Кто его знает?

Старый ткач. Он не из нашей деревни.

Старый Баумерт. Да никак это Генрихов мальчишка. (*Рассматривает его ближе*.) Да-да, это Густав, сынишка Генриха.

Дрейсигер. Где живут его родные?

Старый Баумерт. Там, у нас, в Кашбахе, г[осподи]н Дрейсигер. Он ходит играть музыку. А днем он сидит за станком. У них девять человек детей, а скоро будет и десятый.

Ткачи и ткачихи. Этим людям больно плохо приходится. – В их жилье даже дождь сквозь крышу капает. – На девять человек ребят у них всего две рубашки.

Старый Баумерт (*дотрагивается до мальчика*). Эй, детка, что с тобой? Проснись, посмотри на меня!

Дрейсигер. Помогите-ка! Давайте поднимем его. Какое безрассудство посылать такого слабого ребенка в такой далекий путь! Принесите-ка немного воды, Пфейфер.

Ткачиха (*помогающая поднять ребенка*). Ты смотри не помри! Вот-то будет штука.

Дрейсигер. Или коньяку, Пфейфер. Лучше коньяку.

Бекер (*Он всеми забытый стоял до этого времени и наблюдал*). Дайте ему что-нибудь поесть, тогда он живо придет в себя. (*Уходит*.)

Дрейсигер. Этот шлопай хорошо не кончит. Возьмите мальчика под руки, Нейман. Тихонько, тихонько... так... так... Снесите его в мою комнату. Что вы, Нейман?

Нейман. Он что-то сказал, г[осподи]н Дрейсигер. Он шевелит губами.

Дрейсигер. Что тебе надо, дитя?

Мальчик (*шепчет*). Есть хочется...

Дрейсигер (*бледнеет*). Нельзя понять, что он бормочет.

Ткачиха. Кажись, он сказал...

Дрейсигер. Ну, мы увидим. Только не задерживайте нас. Я его положу у себя на диване, посмотрим, что скажет доктор.

Дрейсигер, Нейман и ткачиха несут мальчика в контору. Среди ткачей движение вроде того, которое бывает у школьников, когда учитель выходит из класса. Кто потягивается, кто шепчется, кто переступает с ноги на ногу; через несколько секунд слышится всеобщий громкий говор.

Старый Баумерт. А ведь мне думается, что Бекер прав!

Некоторые ткачи и ткачихи. Разумеется, прав. – У нас это не новость, что человек умирает с голоду. – Ох, что-то будет зимой, если нас не перестанут прижимать. – А насчет картофеля в этом году совсем дела плохи.

Старый Баумерт. Уж умнее всего сделал ткач Нентвиг – засунул голову в петлю да и повесился на том же станке. Не хочешь ли табачку? Я был в Нейроде, там у меня зять на табачной фабрике работает. Он мне и насыпал немножко. Что это ты несешь в узелке?

Старый ткач. Это у меня горсточка перловой крупы. Передо мной ехала телега мельника из Ульбриха; в одном мешке была дыра... Уж как я ей обрадовался!

Старый Баумерт. В Петерсвальде 22 мельницы, а нам все-таки ничего не перепадает.

Старый ткач. Чего вешать нос-то? Судьба что-нибудь да пошлет. Как-нибудь да пробьемся!

Ткач Гейбер. Говорят, когда человека разбирает голод, надо молиться 14-ти заступникам, а то взять в рот камень и сосать его – это помогает.

Дрейсигер, Пфейфер и кассир возвращаются.

Дрейсигер. Ничего особенного. Мальчик теперь совсем пришел в себя. (*Взволнованно и пыхтя ходит взад и вперед.*) Все-таки это бессовестно. Такое дитя – что твоя травинка: подул ветер, и она согнулась. Просто непонятно, как это люди... как это родители могут быть так неблагоразумны: навьючивают на ребенка два куса нанки и заставляют его нести их 10 верст. Даже трудно поверить. Просто-напросто надо сделать распоряжение, чтобы от детей товара впредь не принимали. (*Некоторое время молча ходит взад и вперед.*) Во всяком случае я настоятельно желаю, чтобы подобных вещей больше не повторялось. И кто в конце концов в ответе? Конечно, мы, фабриканты. Мы во всем виноваты. Если такой жалкий ребенок в зимнее время застрянет в снегу и заснет, сейчас же является какой-нибудь досужий писака – и через два дня страшная история пошла гулять по всем газетам. А отец? А родители, которые посылают такого ребенка... сохрани бог, чем же они виноваты? Все с фабриканта спрашивается, фабрикант – какое-то козлище отпущения. Ткача вечно гладят по головке, а фабриканта вечно ругают: он-де человек бессердечный, опасный плут, которого каждая порядочная собака должна хватать за икры.

Фабрикант живет среди роскоши и удовольствий, а бедным ткачам платит «нищенскую плату». И знать ведь не хотят, что у такого человека масса работы и бессонных ночей, что он несет большой риск, который ткачам и во сне не снится, что от постоянных расчетов и подсчетов, делений, вычитаний и сложений он подчас теряет голову, что у него тысяча сомнений и волнений, что он беспрерывно ведет, так сказать, борьбу на жизнь и на смерть с конкурентами, наконец, что у него ни одного дня не проходит без потерь и огорчений, – обо всем этом, уж конечно, молчок. И кто только не садится фабриканту на шею, кто только не высасывает из него крови, и кто не живет на его счет? Попробовали бы вы хоть денек побыть в моей шкуре – вам бы скорехонько невольно стало. (*После паузы.*) Вот хотя бы этот негодяй, этот Бекер – какие он штуки тут выкидывал! Теперь он уж наверно станет трубить по всему свету, что я

настоящий зверь. И что будто я из-за каждого пустяка то и дело выбрасываю рабочих на улицу. Неужто это правда? Неужто я в самом деле такой зверь?

Многие голоса из толпы. Что вы, г[осподи]н Дрейсигер!

Дрейсигер. Ну вот то-то же и есть. И к тому же бездельники шляются везде и поют скверные песни про нас, фабрикантов. Говорят о голоде, а у самих, небось, есть деньги, чтобы дуть водку целыми четвертями. Попробовали бы они сунуть свой нос в другие места и посмотреть, каково живется, например, рабочим на льняных фабриках. Тем действительно есть на что пожаловаться. Но вы-то еще что! За свою жизнь вы должны господа бога благодарить. Ну, отвечайте мне, старые прилежные ткачи, какие тут есть, может или не может порядочный ткач, знающий свое деяо и работающий у меня, сводить концы с концами?

Очень многие голоса. Может, может, г[осподи]н Дрейсигер!

Дрейсигер. Ну, вот видите. А вот такой негодяй, Бекер, конечно, не может. Вот я вам и советую: держите таких буянов на уздечке, не давайте им воли. Коли мне станет совсем невтерпеж от разных беспокойств и неприятностей, я прикончу все свои дела и закрою фабрику. А тогда с вами-то что будет? Посмотрим тогда, вы найдете работу. У вашего Бекера вы ее не найдете.

Первая ткачиха (*подобралась к Дрейсигеру и с лстивым подбострастием счищает пыль с его сюртука*). Вы себя маленько испачкали, г[осподи]н Дрейсигер.

Дрейсигер. Дела идут как нельзя хуже, это вы знаете сами. Я еще прибавляю к делу, вместо того чтобы получать прибыль. И если я, несмотря на это, постоянно забочусь о том, чтобы мои ткачи не оставались без работы, то я надеюсь, что вы это цените. У меня лежат тысячи тюков товара, и я не знаю, удастся ли мне когда-нибудь распродать их. Недавно я узнал, что многие ткачи в окрестностях фабрики сидят без работы, ну, вот я и... но пусть Пфейфер расскажет вам подробности. Впрочем, дело вот в чем (цените мое доброе желание)... конечно, не могу же я раздавать милостыню – не такой я богач, – но я могу до известной степени дать безработным возможность сколько-нибудь заработать. Что я при этом несу громадный риск – это, конечно, мое дело. Я рассуждаю так: если человек может заработать себе в день хотя бы на кусок хлеба, это все-таки лучше, чем если бы он сидел совсем голодный. Разве я не правильно говорю?

Многие голоса. Правильно, правильно, г[осподи]н Дрейсигер.

Дрейсигер. Итак, я охотно дам работу еще двумстам ткачам, на каких именно условиях – пусть вам это объяснит Пфейфер.

Первая ткачиха (*преграждая ему дорогу, говорит торопясь, умоляющим голосом*). Господин Дрейсигер, пожалуйста, очень прошу вас. Дайте ваше согласие... у меня два раза были вычеты.

Дрейсигер (*поспешно*). Поговорите с Пфейфером, милая. А я и так уж запоздал. (*Он отходит и оставляет ее ни с чем.*)

Ткач Рейман (*также становится ему поперек дороги. Говорит тоном обиды и обвинения*). Господин Дрейсигер, я, право же, должен вам пожаловаться. Господин Пфейфер меня... я до сих пор всегда получал за свою ткань двенадцать с половиной зильбергрошей.

Дрейсигер (*перебивает его*). Вот приемщик. К нему и обращайтесь. Разве вы не знаете, кому заявлять свои просьбы?

Ткач Гейбер (*останавливает Дрейсигера*). Господин Дрейсигер (*торопясь, путаясь и заикаясь*), я бы вас покорнейше просил, может быть... мне можно было бы... может быть, господин Пфейфер мог бы мне... мог бы...

Дрейсигер. Что же вам нужно?

Ткач Гейбер. В последний раз я брал вперед, ну так я хотел, я думал...

Дрейсигер. Я вас все-таки не понимаю.

Ткач Гейбер. Я, право же, очень нуждаюсь... потому что...

Дрейсигер. Да ведь это касается Пфейфера, Пфейфера! А я решительно не могу. Обделаите это с Пфейфером.

Он уходит в контору. Просящие беспомощно смотрят друг на друга. Один за другим они, вздыхая, отходят в сторону.

Пфейфер (снова принимается рассматривать ткани). Ну, дядя, что ты принес?

Старый Баумерт. Что же вы мне дадите за ткань-то, господин Пфейфер?

Пфейфер. За ткань десять зильбергрошей.

Старый Баумерт. Ну, ладно. Что же с вами поделаешь!

Движение среди ткачей, слышен глухой ропот.

Действие второе

Лица второго действия

Старый Баумерт.

Старая Баумерт, его жена.

Август, их сын.

Эмма, Берта – их дочери.

Фриц, незаконнорожденный ребенок Эммы.

Анзорге, старый бобыль, ткач.

Фрау Гейнрих, ткачиха.

Мориц Иегер, отставной солдат, бывший ткач-подмастерье.

Комнатка в доме Вильгельма Анзорге в Каибахе, в Эйленгебурге. Тесная комната, высотой меньше трех аршин; старый протоптанный пол, грязный, закоптелый потолок. Две молодых девушки – Эмма и Берта – сидят за ткацкими станками. Бабушка Баумерт, сгорбленная старуха, сидит на скамеечке у кровати; перед ней колесо для наматывания пряжи. Неподалеку от нее, также на скамеечке, сидит и мотает пряжу ее сын Август. Это слабоумный юноша лет двадцати с маленькой головой, толстым туловищем и с длинными, как у паука, конечностями. В комнате два узких окошка, частью заклеенных бумагой, частью заткнутых соломой; сквозь них в комнату проникает слабый розоватый свет вечерней зари. Он освещает белокурые распуценные волосы девушек, их худые, ничем не прикрытые плечи, их толстые, воскового цвета затылки и складки грубых рубашек. Эти рубашки да юбка из грубой парусины составляют всю их одежду. Розоватые лучи света падают также на лицо, шею и грудь старухи. Лицо ее бескровное и толщее, как у скелета, покрыто множеством складок и морщин. Впалые глаза воспалены и постоянно слезятся от шерстяной пыли, дыма и ночной работы при плохом освещении. Длинная шея с зобом покрыта множеством морщин и жилами; ввалившаяся грудь укутана тряпками и линючим платком. У стены направо – печь, около нее кровать; здесь же повешено несколько ярко разукрашенных образов лубочного изделия. Все это освещено лучами вечерней зари. Над печью на перекладине сушатся тряпки; за печкой, в углу, куча старого негодного хлама. На скамье около печи стоят несколько старых горшков; на листе бумаги сушится картофельная шелуха. С балок свешиваются пучки пряжи и мотовила. Около станков стоят корзины со шпульками. В задней стене низкая дверь без замка. Рядом с дверью, у стены, пучок ивовых прутьев. Тут же несколько дырявых плетеных корзин. В воздухе носится грохот станков, ритмический шум набилок, сотрясающий пол и стены, лязганье и щелканье челноков. Ко всему этому примешиваются низкие, непрерывно однообразные тоны вертящихся мотальных колес, напоминающие собой жужжание больших шмелей.

Бабушка Баумерт (обращаясь к девушкам, которые сидят и связывают порванные нити, говорит слабым жалобным голосом). Неужто опять связывать?

Эмма (старшая из девушек, 22-х лет, связывая порвавшуюся нить). Ну уж и нитки, нечего сказать!

Берта (15-ти лет). Чистое наказание!

Эмма. И где он это так долго пропадает? Ведь ушел-то он часов в девять.

Бабушка Баумерт. Вот то-то и есть, девушки! Где это он, правда, застрял?

Берта. Только ты, мама, ради бога, не тревожься.

Бабушка Баумерт. Да как тут не тревожиться?

Эмма продолжает ткать.

Берта. Пстой-ка, Эмма.

Эмма. Что такое?

Берта. Мне показалось, что кто-то идет.

Эмма. Надо полагать, что это возвращается домой Анзорге.

Входит Фриц, маленький мальчик лет четырех, босой и в лохмотьях. Горько плачет.

Фриц. Мама, я есть хочу.

Эмма. Подожди, Фриц, подожди немножко. Сейчас придет дедушка. Он принесет нам хлеба и кофе.

Фриц. Мне так есть хочется, мама!

Эмма. Ведь я же тебе говорю: будь умницей. Он сейчас придет и принесет нам вкусного хлебца и кофейку. А вечером, после работы, мама возьмет картофельную шелуху, снесет ее мужику, а тот даст ей за это хорошей сыворотки для моего мальчика.

Фриц. А куда же пошел дедушка?

Эмма. Дедушка у фабриканта, Фриц, сдает ему работу.

Фриц. У фабриканта?

Эмма. Да-да, Фриц, у Дрейсигера в Петерсвальде.

Фриц. Там дадут дедушке хлебца?

Эмма. Да-да, фабрикант даст дедушке денег, и дедушка купит на них хлеба.

Фриц. Фабрикант даст дедушке много денег?

Эмма (*раздражается*). Будет тебе болтать, замолчи.

Она и Берта продолжают работу, но немного погодя снова бросают ее.

Берта. Поди, Август, скажи Анзорге, чтобы он дал вам свету.

Август уходит, за ним уходит и Фриц.

Бабушка Баумерт (*вскрикивает от овладевшего ею ребяческого страха*). Ох, детки, детки, где же это отец-то ваш?

Берта. Надо полагать, он зашел к Гауфу.

Бабушка Баумерт. Только бы он в кабак не заходил!

Эмма. Что ты говоришь, мама, разве наш отец из таких?

Бабушка Баумерт (*вне себя от множества нахлынувших на нее опасений*). Ну-ну-ну, скажи же мне, пожалуйста, что же теперь будет, если он... если он... придет домой... если он все пропьет, а домой-то не принесет ничего? В доме ни крупинки соли, ни корки хлеба... Надо бы хоть одну вязанку дров...

Берта. Да успокойся же, мама. Теперь ночи лунные. Мы пойдем в лес, возьмем с собой Августа и принесем связку хвороста.

Бабушка Баумерт. А лесник вас тут же и словит.

Анзорге (*старый ткач, очень высокий и крепкий, весь обросший волосами. Чтобы пройти через дверь, он должен низко наклоняться. Он просовывает в дверь голову и верхнюю часть туловища и говорит*). Вам чего?

Берта. Хоть бы вы засветили нам огонька.

Анзорге (*вполголоса, как говорят в присутствии больных*). Ведь еще светло.

Бабушка Баумерт. Этого еще не доставало, чтобы ты заставлял нас сидеть в темноте!

Анзорге. Нужно же мне и свою выгоду соблюдать, о своей выгоде позаботиться. (*Исчезает в двери.*)

Берта. Ишь, какой скупой!

Эмма. А мы вот и сиди в темноте и дожидайся, когда ему заблагорассудится дать нам огонька.

Фрау Гейнрих (входит. Это тридцатилетняя беременная женщина. На ее усталом лице выражение мучительной заботы и напряженного беспокойства). Добрый вечер.

Бабушка Баумерт. Ну, что скажешь хорошенького?

Фрау Гейнрих (хромает). Да вот ногу попортило осколком.

Берта. А ну-ка садись, я попробую помочь твоему горю.

Фрау Гейнрих садится, Берта становится перед ней на колени и возится с ее ногой.

Бабушка Баумерт. Ну, что у вас дома?

Фрау Гейнрих (в порыве отчаяния). Ах, боже мой, что дома? Да то, что так дальше жить-то невозможно! (Молча плачет, не будучи в силах сдержать слезы.) Хоть бы бог-то над нами сжалился и взял бы нас к себе. Для нашего брата это было бы самое лучшее! (Не владея собой, выкрикивает сквозь слезы.) Дети-то, дети мои бедняжки – ведь они с голоду помирают! (Рыдает.) Уж я не знаю, что мне и делать! И чего я не пробовала, чего не выдумывала! Ты тут хоть лопни, хоть мечись, как угорелая, пока с ног не свалишься. Я уж и так еле жива от усталости, а все толку нет и, что ни делай, все лучше не живется. Накорми-ка девять голодных ртов! Чем прикажете кормить их, чем? Вот, например, вчера вечером был у меня ломоть хлеба – так ведь этого ломтя на двух самых маленьких не хватило бы. Я не знала, кому его и сунуть. Все девять человек стояли и кричали: «Мне, мама, мне! Мне, мамочка, мне!» Теперь я, слава богу, еще на ногах. А что то будет, когда я лягу? Последнюю картошку, и ту у нас водой унесло. Теперь нам уж вовсе жевать нечего.

Берта в это время вынула осколок из ноги фрау Гейнрих и промыла рану.

Берта. Теперь мы завяжем ногу тряпочкой. Эмма, нет ли тряпочки-то?

Бабушка Баумерт. И нам ведь не лучше живется.

Фрау Гейнрих. У тебя все-таки есть дочери, у тебя есть муж-работник, а с моим на прошлой неделе опять был припадок. Уж его трясло-трясло, уж его колотило-колотило, да так, что я не знала, куда и деваться. И после каждого такого припадка он целую неделю лежит в постели.

Бабушка Баумерт. И мой теперь не лучше твоего. Он тоже начинает раскисать. Ему что-то схватило грудь, да уж очень разломило спину. И истратились мы прямо до последнего гроша. Если он сегодня не принесет денег, я не знаю, что с нами и будет.

Эмма. Поверишь ли, мы уже до того дошли... Отец Амишку с собой взял. Пришлось его зарезать: надо ведь хоть чем-нибудь живот набить.

Фрау Гейнрих. Не найдется ли у вас хоть горсточки муки?

Бабушка Баумерт. Ох, ничего у нас нет, даже крупинки соли в доме не осталось.

Фрау Гейнрих. Тогда уж я и не знаю! (Поднимается, стоит в тяжелом раздумье.) Я, право, уж и не знаю, не знаю, что мне и делать. (Выкрикивает в отчаянии и ужасе.) Я бы рада и свиному корму. Не могу же я вернуться домой с пустыми руками. Ведь это никак невозможно. Да простит меня бог. Уж теперь мне ничего другого не остается! (Быстро уходит, хромая на левую ногу.)

Бабушка Баумерт (кричит ей вслед). Эй, милая, не наделай глупостей.

Берта. Да ничего она с собой не сделает. Вот что выдумала!

Эмма. Ведь она всегда так говорит. (Садится за ткацкий станок и работает некоторое время.)

Август входит с сальной свечкой в руках и светит своему отцу, старому Баумерту, который входит, волоча за собой тюк с пряжей.

Бабушка Баумерт. Ах, господи Иисусе, да где же это ты запропал, старик?

Старый Баумерт. Ну, не ворчи, не ворчи. Дай мне хоть немножко очухаться. Посмотри-ка лучше, кого я привел.

Мориц Иегер (*входит, нагибаясь в дверях. Это отставной солдат среднего роста, статный, краснощекий, в гусарской фуражке набекрень. На нем новое платье, крепкие сапоги и чистая, некрахмальная рубашка. Войдя в комнату, Иегер выпрямляется по-военному и отдает честь. Говорит развязным тоном*). Здравья желаем, тетушка Баумерт!

Бабушка Баумерт. Эвона что, да еще какой! Домой, значит, вернулся. А нас ты еще не забыл? Ну, садись-садись! Иди сюда, садись.

Эмма (*вытирает подолом табуретку и подставляет ей Иегеру*). Добрый вечер, Мориц. Ну, что? Захотелось посмотреть, как бедным людям живется?

Иегер. Скажи-ка мне, Эмма... я ведь не верил. Говорят, у тебя мальчик, – скоро в солдаты отдавать будешь. Где это ты его подцепила?

Берта (*берет из рук отца принесенный им скудный запас провизии, кладет мясо на сковородку и ставит в печь*). Ткача-то Фингера ты помнишь?

Бабушка Баумерт. Того самого, который у нас в нахлебниках жил. Он-то ведь на ней жениться хотел, да уж очень хворал грудью. Как я тогда уговаривала девочку! Но разве она меня послушала? Он-то теперь давным-давно умер, а ребенок у нее на шее сидит. Скажи-ка лучше, Мориц, как тебе-то жилось это время.

Старый Баумерт. О нем и толковать нечего, старуха. Ему счастье везет. Теперь он на нас и смотреть не хочет. Одежда у него барская, часы золотые, да еще 10 талеров чистыми деньгами.

Иегер (*сидит с важным видом и добродушно улыбается*). Да что уж тут говорить, пожаловаться мне не на что. В солдатах жилось не худо.

Старый Баумерт. Он был в денщиках у ротмистра. Послушай-ка, и разговор-то у него совсем как у господ!

Иегер. Я так привык говорить по-господски, что теперь иначе и говорить не могу.

Бабушка Баумерт. Скажите на милость! Такой был негодный мальчишка, а теперь вот какие деньги у него в руках. Ведь ты и работником-то никогда не был, ведь тебя ни к чему путному и пристроить не могли. Ты даже клубка не мог размотать за один присест. Бывало, посидишь-посидишь, а там и вскочишь. Только тебя и видели. Вот расставлять мышеловки да воробьев ловить – на это ты был мастер. Что, правду я говорю?

Иегер. Правду, тетушка Баумерт. Но я не одних воробьев ловил, я и ласточек любил ловить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.